

Сама смертная казнь по сути неисправительна, она «пресекает всякий путь к исправлению» и построена целиком на неверном, в большинстве случаев ложном предположении, что в «злодеях замерли окончательно все человеческие чувства». По мнению Спасовича, данная мера наказания весьма примерна и необыкновенно устрашительна. Она, скорее всего, носит обеспечительный характер, но не больше и не меньше нежели «ссылка или пожизненное тюремное заключение», когда преступник не имеет никакой малейшей возможности бежать из заключения и вредить обществу снова.

В.Д. Спасович с резкой критикой относился к утверждению многих защитников смертной казни о том, что если смертная казнь будет вычеркнута из ряда наказаний, то вся уголовная система «пошатнётся» и не будет достаточным образом защищать общественный порядок. Он полагал, что данное утверждение является «терроризмом» по отношению к личности, ведь невозможно употреблять преступника как орудие для производства, посредством его страданий, впечатлений на другие лица.

Также помимо использования наказания в борьбе с таким явлением, как преступность, Спасович огромные надежды возлагал на правовое и нравственное воспитание отдельного индивида в обществе.

Н.Л. Малиновская
БГЭУ (Минск)

ИСТОКИ ГЕНЕЗИСА СОВЕТСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Идейно-теоретической основой всей советской юриспруденции являлось марксистско-ленинское учение о государстве и праве как надстроечных явлениях, обусловленных базисными отношениями частнособственнического общества. Негативные отношения марксистов к частной собственности распространяются и на все надстроечные явления (право, государство и т.д.), которые порождены частнособственническим способом производства, оформляют и обслуживают его. Теоретики социалистической государственности, а за ними и теоретики советского права обосновали отмирание права при переходе от социализма к коммунизму и сохранение классового пролетарского характера права на переходный период.

Вот что писал известный деятель юстиции первых лет советской власти А.Г. Гойхбарг: «Храм буржуазного властвования — законодательство и его фе- тиш — закон; храм пролетарского и социалистического строя — управление, а

БДЭУ. Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт. Бібліятэка.
БГЭУ. Белорусский государственный экономический университет. Библиотека.°.

BSEU. Belarus State Economic University. Library.

<http://www.bseu.by> elib@bseu.by

его богослужение — труд». Другой марксистский автор первых послереволюционных лет В.В. Адоратский акцентировал внимание на ненаучности права и юридического мышления. В своей работе «О государстве» он писал: «Право и государство совсем не представляют самостоятельной сущности. Представление о них, которое существует в головах юристов и практических деятелей, — это идея, которая является только звеном в цепи своеобразной общественной жизни. Само же явление, которое скрывается под этой идеей, есть власть, вооруженная сила». Из таких представлений вытекала задача неотложного свертывания всего того, что осталось от старого права и юридических отношений. «Каждый сознательный пролетарий, — писал А.Г. Гойхбарг, — знает ... что религия — это опиум для народа. Но редко кто понимает, что право есть ещё более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа». К такому выводу пришел и профессор М.А. Рейснер, который писал: «Если право не «опиум для народа», то, во всяком случае, довольно опасное зелье». Право, по мнению Рейснера, не может быть использовано пролетариатом как революционное оружие. «После революции, — отметил ученый, — мы буквально тонем в море законодательства и бумажного правотворчества, мы захлебываемся в праве и правовой идеологии». Поэтому, по мнению Рейснера, возникла угроза безмерной юридизации существовавших порядков. О степени распространения и силе влияния рассуждений такого рода в первые годы советской власти красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что П.И. Стучка посчитал необходимым сделать в предисловии к своей книге «Революционная роль права и государства», выданной в 1921 г., следующее очень показательное заявление: «Я пишу предисловие к своей книге по той простой причине, что считаю необходимым сказать несколько слов в её защиту, потому что боюсь, что без этого никто не станет читать в наше высокоревolutionное время о таких «контрреволюционных» вещах, как право».

В первые послереволюционные годы на позициях «свертывания права» стоял известный юрист Е.Б. Пашуканис, который считал, что отмирание категорий буржуазного права будет означать отмирание права вообще, это значит исчезновение юридического момента в отношениях людей. Основой для такого вывода служило понимание правовых отношений как особенной стороны, разновидности отношений обмена. Были и другие попытки доказать, что пролетарское право было только буржуазным правом, которое отмирало, что социалистическая революция взяла курс на свертывание правовой формы. Например, в энциклопедическом издании середины 20-х гг. утверждалось: «С точки зрения исторического материализма права как некой самостоятельной силы, которая регулирует общественные отношения людей, нет».

В основе правового нигилизма в первые годы советской власти лежала упрощенная трактовка установок марксизма. Используя аргументы, которые К. Маркс и Ф. Энгельс приводили против иллюзорных идеологий вообще, некоторые советские марксисты, особенно те, что не доучились и были склонны к вульгаризации, объявляли и право пустой идеологической формой, лишенной всякого социального содержания. Отсюда вывод: рабочий класс, поскольку он не имеет необходимости в иллюзиях и сам никогда не пробует вводить в обман, должен отказаться от права как идеологической формы.

Потребности государственного строительства и задачи управления общественными процессами оказались сильнее, и они поставили вопрос о необходимости поворота к праву, потому что без него невозможно вернуть жизнь общества в нормальное русло, не говоря уже о создании новых социальных форм. Переход страны к новой экономической политике потребовал пересмотра многих теоретических концепций, подходов к правопониманию. Однако отход от жесткой нигилистической линии, которая имела, согласно представлениям многих участников политической жизни, теоретическую поддержку со стороны марксизма, и поворот к праву проходили с большим трудом, и вначале были очень нерешительными. Неудивительно, что один из руководителей наркомата юстиции П.И. Стучка в 1918 г. писал: «Никаких твердых законов быть не может, потому что только движение постоянно» и вообще диктатура пролетариата как-то плохо вяжется со словами «писанный закон». В то же время законы принимались, шел декрет за декретом, и большевистская власть требовала их обязательного и точного исполнения. Последнее как раз и вынуждало нарушить идеологический запрет на поиски новых определений права. А во главе этого, по воли политического развития, оказались юристы-практики, в числе которых был П.И. Стучка. Именно ему и принадлежит первое советское определение права: «Право — это система (порядок) общественных отношений, которая отвечает интересам правящего класса и защищается организованной его силой».

Таким образом, стоит согласиться с мнением белорусского исследователя А.Ф. Вишневого, что развитие общей теории государства и права в первые годы советской власти определялось практическими задачами построения нового общества. Практика шла впереди теории и настойчиво требовала решения поставленных жизнью проблем.